

О «неформалах» — с тревогой

Львовянин Василий Босович пришел в драматургию из прозы. Вроде бы совсем недавно появился он в Киеве со своей первой пьесой, еще не ведая всех сложностей ее прохождения по инстанциям...

В период демократизации театральной жизни у нас на Украине утвердилась любопытная тенденция. Наиболее репертуарные драматурги «периода застоя» уже сошли со столь проторенной дорожки на сцену, которую многие из них привыкли считать своей вотчиной. Сегодня не они выбирают театр, а театр выбирает их.

Хорошо это или плохо? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Тревожит другое — количество современных украинских пьес на национальном сцене заметно уменьшилось.

В довольно обширный список «обиженных» театрами драматургов Василия Босович не попал. Более того, сейчас он один из самых популярных авторов. Ситуация, когда театры без подсказки и нажима сами формируют репертуар, ему явно на пользу.

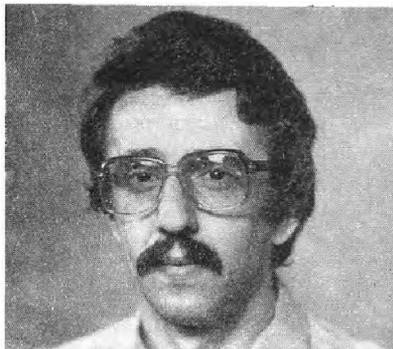
Удивляет, а кое-кого, что греха таить, и раздражает тематическая и жанровая широта его творчества. Начав с драматургического повествования про Даниила Галицкого, Олексу Довбуша, Ивана Франко, затем — в пьесе «Наедине с судьбой» — он поведал о трагической ситуации на Западной Украине в печально памятные времена бандеровщины. Пьеса «Спротивление», действие которой происходит в тюремной камере во время второй мировой войны, написана в жанре психологического детектива. «Шесть яворов и калина» — поэтический рассказ о проблемах сегодняшнего украинского села.

Не все пьесы Василия Босовича имеют безоблачную сценическую судьбу, однако имя драматурга можно сегодня встретить на афишах Киева и Львова, Ровно и Тернополя, Луцка и Черновца, Ивано-Франковска и Дрогобыча.

«Железные солдаты» — пьеса жестокая. Почти все ее герои, решившие так же бескомпромиссно бороться с коррупцией, как один из них сражался с «духами» в Афганистане, погибают. Пьеса проникнута беспокойством за судьбы ребят из неформальных политических объединений, людей, чья искренность и отвага отнюдь не компенсируют недостатка социальной зрелости.

Василий Босович не предлагает рецептов для лечения этой далеко не безопасной болезни. Он лишь ставит вопрос. Но вопрос этот — тревожный.

Юрий Богдасhevский

Василий Босович

Железные солдаты

Драма в двух действиях

*Авторизованный перевод
с украинского Виктора Гончара*

Действующие лица

А н д р е й, он же Афган.
С е р г е й, он же Апостол.
О л е г, он же Рикки.
К и б е р.
Л ю д а.
Д у х.
Н а г.
К о р о л ь.
Д л и н н ы й.
1 - й ю н о ш а.
2 - й ю н о ш а.

Действие происходит в большом областном городе в наше время.

Действие первое

Подвальное помещение, оборудованное под спортзал. Шведская стенка, боксерская «груша», гантели, гири. На стене телефонный аппарат. В спортзале десять-пятнадцать юношей овладевают приемами боевой борьбы. Одеты они в одинаковые защитного цвета полуспортивные-полувоенные куртки, лица прикрыты масками.

Г о л о с. Из архива Н-ского областного управления внутренних дел: «Быстров Олег Дмитриевич, 1966 года рождения,

русский, образование среднее, член ВЛКСМ...» Из воинской характеристики: «Действительную воинскую службу проходил в войсках Министерства внутренних дел. Отличник боевой и политической подготовки. Был заместителем командира взвода. Дисциплинирован, инициативен, морально устойчив. Легко завоевывает авторитет среди товарищей. Умеет организовать и сплотить коллектив...» Из характеристики комитета комсомола машиностроительного завода: «Нормы выработки выполнял на 100—102 процента. В общественной жизни пассивен. Участия в работе комсомольской организации не принимал...» «Братко Сергей Владимирович, 1966 года рождения, украинец, образование среднее, член ВЛКСМ...» Из воинской характеристики: «За выполнение специального задания в составе подразделения морской пехоты во время боевых учений награжден Грамотой Министра обороны СССР. Хорошо владеет всеми видами стрелкового оружия и приемами рукопашного боя. Дисциплинированный, волевой, морально устойчивый, инициативный...» Из характеристики комитета комсомола трикотажной фабрики: «Работает наладчиком. Исключен из рядов ВЛКСМ за распространение мистических настроений...» «Дорошенко Андрей Григорьевич, 1966 года рождения, украинец, образование неоконченное высшее, член ВЛКСМ...» Из воинской характеристики: «Выполнял интернациональный долг в составе ограниченного воинского контингента в Афганистане. За время службы в воздушно-десантном подразделении участвовал в двадцати боевых операциях. Был ранен. Награжден медалью «За отвагу». Дисциплинирован, инициативен, морально устойчив. Имеет организаторские качества...» Из характеристики комитета комсомола медицинского института: «Продолжает учебу на втором курсе после демобилизации из рядов Советской Армии. Был избран членом комсомольского бюро факультета. На одном из заседаний бюро заявил, что комитет комсомола института занимается профанацией идей партии. Был подвергнут суровой критике и после этого инцидента к комсомольской работе не привлекался...»

Все время, пока звучит фонограмма, тренировка продолжается.

Кибер. Внимание! Защита от удара ножом! *(Показывает прием.)*

Все повторяют его движения.

Хватит. Показываю контрудар ребром ладони по шее. Резко! Еще резче! Точнее! Не обязательно бить сильно. Бейте резко и точно — и противник готов. Побеждает тот, кто бьет точнее. В жизни, между прочим, тоже... Хватит, расслабились... Подышали... *(Подходит к Рикки.)* Боевая подготовка окончена.

Рикки *(всем)*. Располагайтесь поудобнее.

Афган подходит к телефонному аппарату, набирает номер. Ребята расслаиваются.

Афган. Надо бы все же иметь двустороннюю связь... Чтобы и сюда можно было позвонить. Кибер, подумай.

Кибер. Ну, захотел! Я подключил его к уличному автомату.

Афган *(вешает трубку)*. Занято. Что с Муромцем? Кто знает?

Апостол. В порядке. Должен был подойти.

Кибер. Может, что случилось?

Рикки. Не случилось, а стряслось. Нам, видимо, придется потолковать с ним без дураков.

Апостол. Заносит тебя что-то...

Рикки. Ладно, потом скажу. *(Всем.)* Ну, сегодня у нас первое занятие по ораторскому искусству...

Среди ребят веселое оживление.

Что, кулаками размахивать приятнее? Знаю. Самому нравится. Но одних кулаков недостаточно. Мозги нужны. У нас будут отряды по всему Союзу. Вы — командный состав. Так что давайте тренировать мозги. Сейчас мы обсудим проект политической программы нашей организации. А в следующий раз каждый выступит со своим вариантом. *(1-му юноше.)* Валяй! 1-й юноша. Жаргончик...

Рикки. Ду, плиз.

Афган. Давай, давай... Дуплись.

Смех.

Рикки. Ша! Потрепались и хватит. 1-й юноша. Друзья! Наша Родина в смертельной опасности. Враг подобрался незаметно и захватил нас врасплох. Это воры, расхитители, взяточники, карье-

ристы, демагоги, бюрократы, коррумпированные элементы. Они заключили между собой тайное соглашение. Это заговор против наших идеалов. Зона их влияния расширяется. Они завоевывали плацдармы постепенно, шаг за шагом. Сначала сами смеялись над нашими идеалами. Потом и нас приучили смеяться. Поначалу они действовали в глубоком подполье. Теперь бесчинствуют почти открыто. Кто даст им отпор? Большинство думает только о собственном благополучии, отдельные запуганы или не замечают опасности. Органы власти бездействуют. Поэтому мы берем на себя ответственность за судьбу Родины. Мы назвали себя Железными солдатами. Солдатами потому, что враг не захочет сдаться без борьбы. Железными — потому, что схватка будет смертельной, и мы победим только при условии, если закалим себя морально и физически до твердости железа. (Пауза.) Все. (Садится.)

Рикки. Свиста много. Говорил-говорил и ничего не сказал.

1-й юноша. Скажи лучше.

Афган. Ну-ну... Без амбиций.

Рикки. Потом, к кому ты обращаешься? К нам? Мы и так все это знаем. К народу? Невразумительно, вяло, тускло... Нужен анализ положения в стране — раз. Подчеркнуть, что у нас мафия — два...

Апостол. Мафия — это когда преступники организованы...

Рикки. А ты почему знаешь, организованы они или нет?

Афган. Все это частности. О главном забыли. Основа нашего движения — идеалы революции, идеалы Ленина. Переожденцы их опорочили, извратили, вываляли в дерьме. Швырнули на посмешище толпе...

Кибер. Эмоции.

Рикки. Ля-ля... Впрочем, об идеалах — не плохо. Вот что, ребята... Здесь и обсуждать-то нечего. Я предлагаю поручить комитету разработать проект программы: цель, способы, тактика, стратегия. Тогда обсудим и утвердим. Как закон... Иначе нам хана — всю жизнь протрепемся. А треп — тот же застой, тот же враг. Давайте голосовать. Кто за?

Все, кроме Афгана и Апостола, поднимают руки.

Большинство. Теперь объявления. Первое: послезавтра меняем место сбора.

1-й юноша. Зачем так часто?

Рикки. Чтобы не засекли. Помещение уже есть. Надо почистить и оборудовать. Кто завтра сможет?

Несколько ребят поднимают руки.

Собираемся здесь. Второе: в пятницу поход на выживание. Идем на трое суток. Дистанция двести пятьдесят километров. Продуктов, воды, спичек, лишней одежды не брать.

2-й юноша. Это что, всю дорогу бегом? Афган. Почти. Днем, конечно, будем немного отдыхать.

1-й юноша. Я не смогу. Бригада дом сдает. Скажут, дезертир.

Рикки. Кто еще не сможет? Без объяснений. У нас полное доверие.

2-й юноша и еще несколько ребят поднимают руки.

Добро. Пойдем через две недели отдельной группой... Пароль на три дня: «Буря», ответ: «Маяк». Вопросы?

2-й юноша. Я все время слышу о каком-то комитете. Кто в нем?

Рикки. Могу только сказать, что комитет — это основатели нашей организации. Их четыре. Пятый — кандидат.

2-й юноша. Если ты это знаешь, значит, ты один из них?

Рикки. Да.

2-й юноша. Комитет нам не доверяет?

Рикки. С чего ты взял?

2-й юноша. Наша организация тайная. Ну это понятно. А комитет, выходит, засекречен даже от нас? Что-то многовато тайн...

Рикки. Ты знаешь здесь кого-нибудь, кроме того, кто ввел тебя в организацию? Узнал бы на улице?

2-й юноша. Вряд ли...

Рикки. Ты знаешь одного. Члены комитета знают всех. Допустим, тебя засветят и ты заговоришь. Ты сможешь заложить только одного. А если заложить члена комитета и его тоже заставят говорить? Но если ты настаиваешь, я покажу тебе членов комитета.

2-й юноша. Не надо.

Рикки. Все. Переоделись и разбежался по одному.

Все, кроме четверых, уходят. Афган,

Рикки, Кибер и Апостол снимают маски.

Кибер. Мне остаться?

Рикки (*остальным*). Кандидат остается?

Афган. Разумеется.

Апостол. Что за вопрос?

Афган (*к Рикки*). Зачем ты их разогнал? Только начали шевелить мозгами...

Рикки. А чего трепаться? Решим все, тогда вынесем на обсуждение. Людьми надо управлять...

Афган. Так что же все-таки с Муромцем? (*Набирает номер.*) Занято. (*Вешает трубку.*) Дает Муромец... Не явиться на комитет...

Кибер. Может, заболел?

Афган. Ты еще не видел его в походе. Спит в снегу, как волк.

Апостол. Я с ним был позавчера. Раскручиваем вместе одно дело.

Афган (*снова набирает номер*). Телефон что ли отключен? (*Вешает трубку.*) Какое еще дело, Апостол? Почему не доложили на комитете?

Апостол. Да пока ничего. Так, предположения.

Рикки. Вот так и начинается. То не доложили, то член комитета не приходит на сбор...

Кибер. Не будь занудой. Мало ли что может случиться.

Рикки. Должен был явиться. Разве что несчастье — руку, ногу сломал. Единственная уважительная причина. Других быть не может. За все остальное наказываем. Так в уставе и надо записать. Апостол (*постучав по дереву*). Накаркаешь... Поплуй!

Рикки. А, брось! Подруга у него завелась.

Афган. У кого?

Рикки. У нашего Муромца. Фото мне показывал.

Кибер. И как?

Рикки. Для меня они все одинаковы.

Афган. Шутить?

Рикки. Честно.

Афган. Нет, я о Муромце.

Рикки. Говорю — втюрился.

Апостол. Нет у него подруги.

Афган. Что ж... Начнем без Муромца.

Придет — объяснится. Кто проведет заседание? Ты, Апостол?

Апостол. Рикки. Он нынче в ударе.

Рикки. Ну, вместо выступления... Если

хотите наладить дисциплину, все эти игры в демократию надо кончать.

Кибер. Слушай, ты там в своих внутренних войсках не ефрейтором был?

Рикки. У нас должна быть воинская дисциплина. Для тех, кто вступает в организацию — клятва. За предательство — смертная казнь.

Апостол. Ты что?

Рикки. На мафию замахнулись. Расслабимся — схавают в момент.

Апостол. Ты не доверяешь ребятам?

Рикки. Ну эти — гвардия. А когда у нас будут тысячи? По всем городам, по всему Союзу? Каждого лично не прощупаешь. Это во-первых. А во-вторых, это у нас пока разминка. Детский лепет. Сейчас все герои. Погоди, вот начнется настоящая драка, посмотришь, как некоторые «преданные» и «проверенные» расплзутся по нормам...

Афган. Загнул, Рикки, загнул! Со смертной казнью...

Кибер. Он по-своему последовательный.

Афган. Я — за дисциплину. Гарантии против предательства должны быть, тоже верно. Но все-таки... человеческие...

Апостол. Послушайте, ребята... Вы что?.. О чем вы? Я не понимаю. Я даже слушать этого не хочу. Рикки, ты как представляешь себе смертную казнь? Кто будет... ну... приговор?

Рикки. Кому прикажем, тот и будет.

Апостол. А если тебе? Тебе?!

Рикки. Что за глупый вопрос? Приведу в исполнение.

Апостол. Разве мы так все задумывали... Я надеялся, у нас будет... как рыцарский орден. Скажи, Афган! Муромец тоже... Орден рыцарей справедливости... Мы своим примером, жизнью... Только собственным примером можно научить людей... Я знаю, когда нас повело в сторону. Когда моего старика посадили... Нет, только собственной жизнью, примером... От добра — новое добро. И нас будет все больше и больше. А потом — все с нами и мы со всеми.

Рикки. А ворье куда?

Апостол. Вор, он почему вор? Ему кажется, что о нем никто ничего не знает. А мы знаем. Развешиваем фото по городку, чтобы все знали — ворюга. Предупреждаем. Не помогает. Еще раз предупреждаем.

Рикки. Сколько раз?

Апостол. Хоть сто, если понадобится! Ну, я согласен, не действует предупреждение — конфисковать наворованное, ну припугнуть, ну сжечь дачу, наконец... (К Рикки.) Если уж для своих смертная казнь, то чужих — что? На уличных фонарях вешать?

Рикки. Уверю тебя, если бы мы не цап-кались, а на самом деле повесили парочку... А на грудь — табличку: «Ворюга, наворовал столько-то». И подпись — «Железные солдаты». Вот это профилактика.

Апостол. Нет, вы слышали? (Киберу.) Чего молчишь?

Кибер. Думаю.

Апостол. Здесь еще надо думать?

Кибер. У меня так мозги устроены. Должен все обдумать.

Апостол. Афган! Это принципиальный разговор. А ты делаешь вид, что тебя не касается.

Афган. Который раз об этом начинаем и все никак не договоримся...

Апостол. Он только одно знает — страх. В конце концов и мы начнем друг друга бояться.

Рикки. При чем здесь мы? Привыкай, что мы особенные.

Апостол. Какие?

Рикки. Избранные. Привыкай и гордись.

Афган. Э, стоп! Это могила. И нам, и организации. Никаких избранных. Мы все рядовые. Никаких генералов. Хватит, докатились. Избранные, привилегированные! Они-то и довели. Мы — солдаты. Чернорабочие. Мы положим начало равенству. А равенство — это высшая справедливость!

Рикки. Я такой справедливости не хочу.

Афган. Твоя мать сколько получает?

Рикки. Сто десять.

Афган. А вот мой старик — семь сотенных в месяц.

Рикки. Забил гол, называется. В свои ворота. Моя мама — санитарка, а твой старик — хирург. Ежу понятно, он должен зарабатывать! И Кибер башляет — будь здоров.

Кибер. Двести пятьдесят. Захочу, будет еще сотня.

Рикки. Вот. А он еще студент. Заочник. Но у него не мозги, а японский компьютер.

Кибер. Ну мозги так себе. Я руками работаю. Компьютеров много, а ремонтников мало.

Рикки. Законно. Дефицит всегда в цене. Кибер. Кто имеет право устанавливать мне предел? Разве что природа.

Апостол. Не природа, а высший разум. Кибер. Бог, что ли?

Апостол. Для меня это высший универсальный разум.

Рикки. А его ангелы присматривают за нами с летящих блюд?

Апостол. У них есть способы получше... Не об этом сейчас надо... Так ли живем, как следует, то ли делаем?

Рикки (Афгану и Апостолу). Помните наш выпускной в школе?

Афган. Смутно. Будто сто лет прошло.

Рикки. А я помню. Мой первый политурок.

Апостол. Первый? Десять лет долбили...

Рикки. Такого не было. Я тогда живых классовых врагов увидел.

Апостол. Мог бы и нам показать.

Рикки. А! Так бы вы мне и поверили. Знаете как узнал? Они все были в фирме!

В фирме с головы до ног! А на мне — «скороходы» за пятнадцать рэ! Мне-то наплевать, а мама посмотрела... Глаза вот такие от слез... как под линзами... всю жизнь вонючие судна таскает, моет, каждую копейку считает, где уж ей на фирмак собрать. А сам заработать не догадался... Я ее глаза до смерти...

Афган (перебивает). Ты меня тогда капитально выручил. Мои так жали, думал — чокнусь...

Рикки (смеется). Твои итальянские и мне не жали. А у тебя ведь нога поменьше... Ты... у тебя душа — перфект. Главное, мама увидела, что нам с тобой все это до лампочки. Поменялись — и все дела.

Афган. Потянуло тебя на воспоминания... (Напевает.) Про татар-р он пишет мемуар-р...

Рикки. Я еще тогда понял: надо бить по лапам! Зажрались. Я не о вас. Твой старик, его старик — понятно, они с мозгами, заработали. А остальные? Экспедитор, снабженец, продавец, мясник... Зарплата у каждого, между прочим, не больше, чем у мамы... Нет, умеешь и хочешь честно заработать — получай, сколько заработал. А мерзавцев по хавальникам. К стенке! Вот это справедливость.

Афган. Другие выполнят... По верхушкам бьешь. А надо под корень рубить. Рождаемся-то мы все с одинаковыми

правами... Думаю, и с одинаковыми потребностями — поесть, одеться, свободы хотим. Если мы равны от рождения по правам, то и в удовлетворении потребности должны быть равны. По-моему, элементарно. Закон такой должен быть. Всем все поровну. Чтобы никто никому не завидовал. Сначала зависть, а потом... потом стрелять приходится... человеку в человека.

Рикки (*взглянув на часы, со злостью*). Потребности, равенство... Вот здесь мне уже ваши теории! В печенках!

Апостол. Сам же начал...

Рикки. Мы тут базарим, а на дискотеке в «Бригантине» два хангы вербуют пацанок. В подпольный бардак. С ними что делать? Пошли попросим: ребята, не надо, у вас плохие потребности...

Афган. Не заводись. Надо будет кости поломать — поломаем. Но решать будем все вместе. Без вождей. (*Подходит к телефону, набирает номер.*)

Апостол. Кончаем. Все равно Муромца нет.

Рикки. И мне еще на музыку.

Кибер. Один раз мог бы и не пойти. Интересный разговор...

Рикки. Хоть на час обязательно надо. Мама думает, что я там, на музыке. (*Приносит из угла скрипку в футляре.*) Противно лгать. Ну, разбежались?

Кибер. Наши ребята в стрелковом кружке слишком заметны. Особенно тот, который о комитете спрашивал. Лепит в «яблочко», пуля за пулей...

Афган (*в трубку*). Добрый вечер. Стаса можно?.. Товарищ его... Да. Это я. Мы договаривались встретиться, а он не пришел... Когда?! Кто?.. Я знаю... Он же в рот не брал... Я приеду... Мы все приедем... Завтра утром... (*Вешает трубку.*)

Длительная пауза.

Рикки. Скажешь ты что-нибудь на конец?

Афган. Муромца... убили...

Апостол. Господи!

Кибер. Ну, сволочи...

Рикки. Говорю, вешать...

Афган. Почтим память нашего товарища... нашего боевого товарища...

Все стоят молча.

Два ножевых ранения. Нашли вчера утром... Убит позавчера.

Апостол. Когда? Точнее!

Афган. Вечером. Около двенадцати. Похороны послезавтра.

Апостол. Это же его... как только мы разошлись...

Кибер. А что говорят? Ну, милиция?..

Афган. Драка. Пьяная...

Апостол. Почему пьяная?

Афган. Не знаю. Так сказали в милиции.

Рикки. Стас пьян? На дух не выносил...

Кибер. Убили и залили водкой.

Апостол. будто в беспамятстве, идет к выходу.

Афган. Ты куда?

Кибер. Надо прокрутить его дела. Концы найдутся.

Апостол (*возвращается*). Не надо. Это я его... подставил...

Афган. Перестань!

Апостол. Я!..

Афган. Опомнись.

Рикки. Ну-ну. (*Афгану.*) Пусть говорит. Он меня заинтриговал.

Апостол. Сейчас... Я что-то хотел сказать... Да... Я согласен. За предательство — смертная казнь...

Пауза.

Рикки. Слишком долго разминаешься. Апостол. Я начал заново дело «предпринимателей»...

Рикки. При чем здесь «предприниматели»?

Апостол. Мы... ошиблись тогда... (*Пауза.*)

Рикки. Долго ты будешь тянуть?!

Апостол. Я не знаю, что можно говорить... Здесь Кибер...

Кибер. Я пойду, ребята.

Афган. От тебя у нас секретов нет. (*Апостолу.*) Ты что-то себе нафантазировал. Встряхнись. Возьми себя в руки. Я сам расскажу Киберу.

Рикки. Я против. (*Киберу.*) Ты не думай, я тебе доверяю. Но правило такое: каждый знает об организации лишь необходимый минимум. (*Афгану.*) Киберу «предприниматели» не нужны. Дело закрыто.

Апостол. Если бы...

Афган. Кибер может знать все.

Рикки. Да ну вас! Как хотите!

Афган. Ребята, это же наше первое дело было... Мы все после дембеля... Помнишь, Апостол? Рикки?

Рикки. Кончай с лирикой...

Афган. На «предпринимателей» нас Апостол навел. Цех подпольный на трикотажке... Ведь он там наладчиком, присмотрелся. Мы и раскрутили. Тогда мы еще на милицию ориентировались... Ну, берут одного, другого, третьего. Потом — раз! — его предка. (*Кивнул на Апостола.*) Как организатора...

Кибер. И он что, в самом деле?..

Апостол. На следствии и на суде все взял на себя.

Афган. Там был один подонок, Курищенко, главный технолог. Понимаешь, все концы к нему сходятся, а прямых улик нет. Его, правда, тоже взяли...

Рикки. Как взяли, так и выпустили.

Афган. Служебную халатность признал — и все. Так и не раскололся. Честного трудягу сыграл. А мы же знаем — он главный...

Рикки. Мильтоны тоже знали... Отмазался.

Афган. Четверо загремели. Его старику — червонец, как организатору. Ну ладно. Решили мы этого честного труженика расколоть. Сами. Перехватили на пешеходном мосту. А он — через перила...

Апостол. Хватит! Я не могу этого слышать...

Кибер. Всплыл?

Афган. Всплыл.

Кибер. Раскололся?

Афган. Он на третий день всплыл. Там же, под мостом.

Кибер (*Апостолу*). Так ты сам своего старика посадил? Да еще и ни за что?

Апостол. Замешан он был. Но не так, как наклепал на себя. Его запугали.

Кибер. Он сам тебе сказал об этом?

Апостол. Догадался. Он очень просил не трогать Курищенку. И вообще уехать отсюда. Я понял: он боялся за меня и за маму.

Кибер (*к Рикки*). Почему ты не хотел, чтобы я знал? Думаешь, я испугаюсь, что вы прикончили какого-то гада?

Апостол. Ребята, как страшно все... А самое страшное, что мы не того убили...

Афган. Как не того?

Апостол. Я вышел на главного... Сначала на его... ну, не знаю, заместителя, что ли, а потом — на самого...

Рикки. Доказательства!

Апостол. Маме ежемесячно присылают

двести рублей. Отцова получка... с прогрессивкой...

Рикки. Кто?

Апостол. Мафия. Он сидит за них, а они выплачивают долг. Я нашел концы. Долго рассказывать, но это точно. (*Протягивает Рикки фотографию*) Его дочь.

Рикки (*рассматривает снимок*). Ну, видел я ее. Муромец показывал. (*Отдает фото Афгану*)

Афган (*посмотрев, дает Киберу*). Ну и что? Зачем она нам?

Апостол. Она выведет на папашу.

Рикки. Ты же сказал, что нашел его.

Апостол. Я его вычислил... Теоретически. Он проходил по двум моим делам. И я догадался — много всего на нем завязано. Я его видел, но издалека. Подходить ближе опасно, он же меня точно знает. Пыгался выследить — срывается... Только вот ее удалось... щелкнуть.

Кибер. Фамилия?

Апостол. Только кличку знаю.

Кибер. А эта фифа чем занимается?

Апостол. На втором курсе юрфака.

Кибер. Фамилию можно найти в кадрах. У меня есть там человек.

Апостол. Пробовал. У нее фамилия матери.

Кибер. По адресу разыщем.

Апостол. Они отдельно живут.

Рикки. Устроились, сволочи. Две квартиры на семью.

Афган. Пошли они все!.. (*Апостолу*)

Ты сказал, что подставил Муромца. Как это понимать?

Апостол. Я у них засвечен. А папаша все время срывался... И я попросил Муромца, чтобы он его выследил. Через пацанку.

Афган. А при чем здесь предательство?

Ты сморозил страшную глупость. Но предательства я пока не вижу.

Пауза.

Рикки. Ну!

Апостол. Если бы Муромца... Если бы он был жив, я бы вам ничего не сказал.

Кибер. Муромец знал?

Апостол. Нет... Но почему... Почему Муромца, а не меня?

Кибер. Они считают, что ты у них на крючке.

Рикки. Это предательство.

Афган. Разберемся. (*Апостолу*) Почему не хотел говорить?

Апостол. Я подумал, что месья... она

никогда не кончается. На ком-то должно все кончиться, иначе — вечная мечь.

Рикки. А ты как думал?

Апостол. Нет-нет. Грех. Пусть лучше — на мне!

Афган. Кончилась-то на Муромце.

Апостол. Когда мы убили Курищенко...

Афган. Никто его не убивал. Он сам.

Апостол. Но мы хотели...

Афган. Никто из нас пальцем его не тронул.

Кибер. Юридически вы... мы не виноваты в его смерти.

Апостол. Как он на нас посмотрел... Заметался, сжался весь... Бог такого не прощает, ребята.

Афган. Я теперь буду для них господом богом. И я тоже не прощаю. (Киберу.)

Дай-ка фото. (Апостолу.) Как его кличут?

Апостол. Ангел.

Афган. Не Ангел, а Дух. В Афгане я имел дело с духами.

Рикки. А тот второй будет Наг. Он мой.

Афган. Ребята, наш гимн... В память о Муромце...

Рикки берет скрипку. Афган, Кибер, Апостол, положив друг другу руки на плечи, поют:

Мне бой вести, покуда не умру,
Терять своих, чужой казнясь виной.
Товарищ мой, соратник мой и друг,
Иной судьбы нам нынче не дано.

Мы вышли к оскверненным рубежам
Ответить за отцов своих грехи.

Смиримся мы — и сталь источит
ржа,
Замрет аккорд и выцветут стихи.

Пусть мало нас, но нам не все равно!
Мы бьемся лбом и лезем на рожон,
Чтоб правды свет разлился над
страной,
Измученной враньем и грабежом.

За честь ее, преодолевая страх
И боль свою, мы вырвались вперед.
Нам, братцы, продержаться б до
утра —

Оттуда подкрепление подойдет¹.

Дискоотека. В глубине сцены мерцают разноцветные огни. Парни и девушки танцуют диско, некоторые — брейк. В про-

тивоположных концах зала — Афган и Люда. Танец кончается.

Голос диск-жокея. А теперь, дорогие друзья, танец по вашей заявке!

Люда. Вальс!

В зале свист и возмущенные возгласы.

Голос диск-жокея (сквозь шум). Легкий, изящный, волшебный вальс! Белый танец! Приглашают девушки!

Звучит вальс. Шум в зале понемногу стихает. Люда подходит к Афгану, церемонно приседает. Он смотрит на нее с удивлением.

Люда. Может не умеешь? Так скажи.

Афган. Кружок балльных танцев при Дворце пионеров. Два года.

Люда. О, профессор!

Танцуют.

Афган. Любишь вальс?

Люда. Не очень. Не люблю.

Афган. Это же ты крикнула: вальс! Я заметил.

Люда. А! Это мы договорились.

Афган. С кем?

Люда. С диск-жокеем. Надо, чтобы в программе были вальс, танго... еще там что-то. Ну он и попросил. Будто ребята сами хотят.

Афган. А-а...

Люда. После пионеров ты больше не танцевал?

Афган. Вальс, кажется, нет... А что? Люда. Партнершу надо обнять так, чтобы ощущать ее тело.

Афган (от неожиданности сбивается с ритма). А зачем мне... ощущать твое тело?

Люда. Удобнее танцевать. По ногам не будешь топтаться.

Еще несколько пар вступают в танец.

Афган. Черт... Впрочем, не я тебя приглашал. Терпи.

Люда. Мог бы и пригласить.

Афган. Зачем?

Люда. Ты, ты... Я знала, что ты придешь сюда.

Афган. Все-то ты знаешь...

Люда. Я видела, как ты подслушивал. В институте. Когда я в коридоре с подругой... Стоял к нам спиной и притво-

¹ Стихи М. Виргинской

рялся, что читаешь стенгазету. А сам подслушивал.

А ф г а н. Читал.

Л ю д а. Подслушивал. Я сказала, что пойду сегодня на дискотеку, так у тебя даже уши зашевелились.

А ф г а н. От умственного напряжения.

Л ю д а. Бедный! Не перенапрягся? Усек хоть что-нибудь?

А ф г а н. Ускорение — требование времени.

Л ю д а. Это большими буквами написано. А ниже? Или ты десять минут заглавие читал?

А ф г а н. Ага. По слогам.

Л ю д а. Слушай, ты не такая рыба, как притворяешься. Давай честно.

А ф г а н. Давай.

Л ю д а. Чего ты завелся с Королем? Или с тем длинным?

А ф г а н. У вас здесь и короли есть? Интересно.

Л ю д а. Брось. Я видела. Думала, драка будет.

А ф г а н. Все ты видишь.

Л ю д а. Случайно.

А ф г а н. А я подумал, следишь за мной.

Л ю д а. Слишком много чести, профессор... балльных танцев.

А ф г а н. Хорошо танцуешь.

Л ю д а. Так что ты с ними не поделил?

А ф г а н. Одну такую дурочку, как ты.

Л ю д а. Покажи.

А ф г а н. Уже ушла. К мамочке.

Л ю д а (*смеется*). Не-а... Танцует.

А ф г а н. Ну? С кем?

Л ю д а (*смеется*). С тобой. (*Серьезно*).

Не трогай их... Они нормальные ребята. Как-то даже заступились за меня.

А ф г а н. Заступнички у тебя...

Л ю д а. Теперь уже не нужны. (*Смеется*).

Хватит тебя.

Вальс кончился.

Г о л о с а. Брейк! Брейк!

Звучит музыка. Афган и Люда танцуют диско.

А ф г а н. Этот ваш король — сукин сын. Он — вербовщик.

Л ю д а (*смеется*). От ЦРУ?

А ф г а н (*рассердившись, что сказал лишнее*). Угадала.

Л ю д а. Извини... Мне почему-то так весело...

А ф г а н. И мне.

Л ю д а. А чего дуешься?

А ф г а н. И не думал...

Л ю д а. Ну так кого и куда он вербует?

А ф г а н (*неохотно*). Пацанок. В бардак подпольный. (*Жестко*). И кончили с этим.

Л ю д а (*после паузы*). Выходит, ты не из-за меня с ними завелся?

А ф г а н. Ты сама как цэрэушница.

Л ю д а (*лукаво*). И они так тебя испугались, что сразу смылись? Ты такой основной?

А ф г а н. Какой уж есть.

Л ю д а. А почему ты со мной такая шляпа? Три дня кружил вокруг и не подошел?

У тебя комплекс? На сексуальной почве?

А ф г а н. Не кружил я. Вижу-то тебя сегодня впервые.

Л ю д а. Наивняк. Я эти ваши приемчики наизусть знаю.

А ф г а н. Какие приемчики?

Л ю д а. Пижонские... Много вас. Надоели.

А ф г а н. Ты так... ничего. На уровне. Потому и пристают.

Л ю д а. На уровне? А мне говорили, что я супер-класс.

А ф г а н. Как на чей вкус.

Л ю д а. А на твой?

А ф г а н. Нормально.

Л ю д а. Так может быть и домой проводишь?

А ф г а н. А чего...

Л ю д а. И поцелуешь?

А ф г а н. Нет.

Л ю д а. Ну все равно пошли.

Зал дискотеки затемняется, музыка еле слышна. Афган и Люда выходят на улицу. Видны красные отблески машин, проезжающих невдалеке.

Л ю д а. Что, так и будешь молчать?

А ф г а н. Я не молчу.

Л ю д а. Да. Ты такой болтунишка... Ну молчи. Все равно мне с тобой хорошо. Знаешь, как-то так... спокойно.

А ф г а н. С чего бы это?

Л ю д а (*смеется*). Нет, я не могу...

Как эти пижоны слиняли. Они здесь однажды парня побили, кровью плевал.

А ты как будто и не такой крупняк... Чем ты их так достал?

А ф г а н. Спроси их.

Л ю д а. Трудно тебя расшевелить... Что ты им такое сказал? Научи меня.

А ф г а н. Ничего. Им чутье подсказало, что надо... бежать.

Л ю д а. Чутье? Этим дубам?

Афган (неохотно). Такое чутье есть и у самых глупых.

Люда. Какое?

Афган. Ты не поймешь.

Люда. По-твоему, я глупее их?

Афган. Здесь дело не в уме.

Люда. А в чем? Что они такое почувствовали?

Афган. Что я могу убить.

Люда. Как... убить?

Афган. Ну как... Не знаю. Как бой покажет.

Люда. Драка?

Афган. Драка для шпаны. Бой. Или я, или они. И отстань.

Люда. И ты что... уже?

Афган. Что уже?

Люда. Убивал?

Афган. Ну.

Пауза.

Люда. Заливаешь.

Афган. Ну давай, провожу тебя домой.

Люда. Так я с тобой и пойду... Слушай, кто ты такой? Где это ты мог... ну?

Афган. Я выполнял интернациональный долг в Афганистане.

Люда. Вот оно что... Там служил...

Афган. Не служил, а выполнял интернациональный долг.

Люда. Извини. Если это для тебя важно... Мне-то параллельно.

Афган. Как?

Люда. Без разницы.

Афган. У вас здесь всем все параллельно.

Люда. У нас? А ты где? Еще там?

Афган. Не знаю... Иногда кажется, что там...

Люда. Там, в Афганистане, враги... И ты... понятно... А эти просто пижоны... И ты бы смог?..

Афган. Сволочи. Духи. Им дай волю! Гвоздями будут людей к стенке приколачивать. Знаю. Насмотрелся. У этих кожа светлее, а у тех — темнее. А души одинаковые — черные.

Люда. Будешь отбеливать?

Афган. Вынимать.

Люда. Знаешь, ты просто удивительно похож на моего отца.

Афган. На кого?

Люда. На моего папу. И в тебе и в нем что-то такое крепкое и надежное чувствуется.

Афган. Ты психолог!

Люда. Не смейся. Он очень добрый... Но, знаешь, иногда мне кажется, что он тоже мог бы убить.

Афган. Кого ему убивать...

Люда. Не знаю. Я вообще о нем мало знаю.

Афган. Как звать-то, наверное, знаешь?

Люда. Снова смеешься... Мы и живем-то отдельно.

Афган. Характерами не сошлись?

Люда. Да нет. Он когда-то, уже давно, ушел от нас. Мне тогда года полтора было. Вернее, мама его выгнала... Он преподавал в институте. Потом какие-то неприятности... Мама говорила, что он уехал на Север и не хочет нас знать. Ну, я позже обо всем догадалась. Потом мама умерла. Я сама осталась.

Афган. Маленькой?

Люда. В десятом классе уже была... Мама хотела, чтобы я папу возненавидела. Все не могла ему простить, что он себе карьеру испортил.

Афган. Что-то с женщинами?

Люда. Нет, он не такой. Что-то сказал или написал не то. Точно не знаю... Я всегда его любила, сколько себя помню. Фотографии его любила...

Афган. Покажешь? Интересно.

Люда. Конечно. Всегда верила, что он найдется. И, знаешь, как в сказке. Подходит однажды на улице. Я сразу узнала... Такая история... Глупая, да?

Афган. Грустная.

Люда. Зато с веселым концом. *(После паузы.)* Теперь ты о себе расскажи.

Афган. Потом. Рассказывай ты... Мне очень интересно.

Люда. Знаешь, почему я о папе вспомнила? Мне кажется, что ты бы понравился ему, а он — тебе...

Афган. Ты думаешь?

Люда. Впрочем, это не важно. Ты нравишься мне, значит, понравишься и ему.

Афган. А я уже от него в восторге.

Люда. Правда?

Афган. Загадочный он у тебя... А где работает?

Люда. Покрыто мраком. Он не любит о работе, а я и не спрашиваю.

Афган. Ну понятно, засекреченный.

Люда. Возможно.

Афган. По зарплате можно догадаться. Эти засекреченные солидно зарабатывают.

Люда. Денег у нас, кажется, много.

Афган. Кажется?

Люда. Ну он дает мне много. Тебе надо?
Афган. Ты что?
Люда. Какой ты... Я от дупи.
Афган. Думай, что говоришь.

*Люда вдруг обнимает его и целует. Убегает. Слышен ее крик: «Такси! Такси!»
Бегают Апостол и Рикки.*

Апостол. Такси!
Рикки. Пора свою тачку иметь. Бегай теперь за ней... Ты зачем засветился?
Афган. Так получилось.
Рикки. Расколот?
Афган. Наболтал, кажется, лишнего... Не готов к контакту. Или она просто телка, или...

Рикки и Апостол выбегают. Входят Король и Длинный.

Король (Афгану). Эй, друг!
Афган. Ну?
Король. К этой телке не клейся.
Афган. А тебе что?
Король. Она наша.
Афган. Одна на двоих?
Король. Ну моя.
Афган. Ромео вторился в телку?
Король. Что-что?

Афган. Парнокопытный Ромео. Бычок. Длинный (Королю). Он шизанутый.
Афган. Слушай, Ромео рогатый. Я ищу одного парня. Кликуха — Муромец. Впрочем, вы его кликухи не знаете. У него на левой щеке — шрам... В глаза смотри, ты, бык!

Король (Длинному). Похилияли. Он псих.
Афган. Я все видел.

Король и Длинный засовывают руки в карманы.

Король. Мокруху шьешь?
Афган. Я же не говорил, что Муромец убит. (Протягивает руку.) Ну-ка, давайте. Выкидушки.

Возвращаются Рикки и Апостол.
А, очень кстати...

Король и Длинный, встав спинами друг к другу, вынимают ножи. Щелкнули вытолкнутые пружинами лезвия. Молниеносная стычка. Афган и Апостол заламывают Королю и Длинному руки за спину. Рикки подбирает ножи.

Апостол (к Рикки). Зачем они тебе?
Рикки. Сейчас узнаешь.

Апостол и Афган уводят Короля и Длинного. Рикки идет за ними. В глубине сцены освещается дискотека. Юноши и девушки танцуют. Входят Афган и Апостол.

Афган (поддерживая Апостола). Подыши, подыши...

Апостол. Пусти. Я в норме.
Афган. Ну, морская пехота... Раскис...
Апостол. Слушай, Рикки звереет. Он их убьет!

Афган. Ты уже забыл Муромца?
Апостол. Я не хочу быть палачом! И при чем здесь эти бакланы? Они Муромца, наверно, и в глаза не видали.
Афган. Еще как видали. Поверь мне. Такая удача раз в жизни бывает. Чего они начали права качать? Мне как сверкнуло в мозгах: они вот так же и на Муромца налетели... Дух приставил их к ней. Охранять.

Апостол. Да ну... От кого?

Афган. От нас.

Апостол. Что он может о нас знать?
Афган. А ты попробуй влезь в его шкуру. Живет себе столько лет спокойно. Делает, что хочет, безнаказанно. И вдруг начинаются пироги: суд, дачи у сообщников поджигают, машины вдребезги... И ко всему этому Муромец выходит на его пацанку...

Апостол. Думаешь, он догадывается об организации?

Афган. Он, возможно, решил, что какая-то шпана хочет его шантажнуть.

Апостол. Здесь тебе все же не Сицилия.
Афган. Погоди, здесь еще почище будет.
Рикки (входит, растирая руку). Не они.
Апостол (Афгану). Я что говорил?

Рикки. Дух для таких дел мокрушника держит. А эти только навели его на Муромца.

Апостол. Что ты с ними сделал?

Рикки. Ничего страшного.

Апостол. Нет, как это они так быстро раскололись?

Рикки. Ну, это просто... (Морщится, массирует руки.) Черт, скулы у них, как деревянные.

Апостол. Что ты с ними сделал, я тебя спрашиваю?!

Рикки. Отпустил. (Обнимает Апостола.) Чего ты?

Апостол (сбрасывает его руку). Тошнит.

Афган. Поход отменяется. Все отменяется. Прокрутим еще раз все дела. Там всюду должны быть следы Духа. Ребята, у меня предчувствие... Такая рыба нам еще не попадалась...

Рикки. Попомнят они Муромца!

Действие второе

Подвальное помещение. Входят Афган и Апостол.

Афган. Смотреть на них не могу. А тебе поболтать с ними захотелось.

Апостол. Зачем ты так? Встретиться предложил Дух. Я согласился. Вы тоже согласились...

Афган. Согласились, чтобы комитет не раскалывать. *(Пауза.)* Ну извини... Посмотрел на них — руки зачесались. *(Не в силах совладать с собой.)* На фига нам эти разговоры!

Апостол. Выслушать-то людей надо. В глаза посмотреть... Поговорить.

Афган. О чем? Они тебе Муромца воскресят?

Апостол. Не знаю о чем... Но поговорить должен... Это... как суд...

Афган. Идея твоя — ты и разговаривай с ними. И в темпе. Я не ручаюсь за себя и за Рикки...

Апостол *(прислушивается)*. Где они там? И не слышно... *(Смотрит на Афгана.)*

Вы нарочно... *(Бросается к выходу.)*

Афган *(схватил его за руку)*. Куда?

Апостол. Рикки прикончил их там! Ты нарочно пошел со мной вперед, чтобы Рикки...

Афган. Сдвинулся ты, что ли?..

Апостол *(успокаивается)*. А кто его знает, что он придумает...

Афган. Доверие друг к другу теряем...

Апостол. Тише.

Входят Рикки, Дух и Наг. Дух производит впечатление доброжелательного и искреннего человека, в отличие от замкнутого настороженного Нага.

Дух. Я почему-то ждал, что вы будете в масках... В капроновых чулках на головах.

Рикки. Сейчас натянем.

Дух *(смеется)*. Сначала познакомимся.

Афган. Давай без китайских церемоний. Мы тебя знаем. Ты — Дух.

Дух *(несколько озадаченный)*. То есть? Чей дух?

Рикки. Мы дали тебе такую кличку — Дух. Так наши ребята в Афганистане душманов называют.

Афган. А я — Афган. Если уж хочешь познакомиться.

Дух *(овладев собой)*. Веселые ребята. *(Жест в сторону Нага.)* Мой друг...

Рикки *(перебывает)*. Нага мы тоже знаем.

Дух. Не понял.

Рикки. Он проходит у нас под кличкой Наг.

Дух. Наг? Наг... Что-то знакомое... А, из Киплинга... Читал, как же... В детстве. Наг — это, кажется, такая кобра, вернее, он — кобр...

Рикки. Сечешь.

Дух. Там помнится, была еще такая милая зверюшка... Она этого Нага зубками — хряп! Как ее... Не вспомню...

Рикки. Так же как меня. Рикки-Тикки-Тави. Для удобства — Рикки.

Дух. Символику понял. *(Недоумевающему Нагу.)* Потом объясню... Значит, Афган и Дух, Рикки и Наг... Остроумно и, главное, символично. *(Поглаживает Апостола по плечу.)* Жаль твоего старика.

Апостол сбрасывает его руку.

(Как бы не замечая неприязни.) Слава богу, удалось по крайней мере в хорошее место его устроить.

Апостол. В какое?

Дух *(сниходительно)*. Какие вы еще зеленые... Это, конечно, скверные места, согласен. Но и они бывают лучше и похуже. Так вот, твой батя, а мой друг в одном из тех мест, которые лучше.

Афган. Благодаря тебе...

Дух. Благодаря мне в хорошем месте. Все остальное — по его собственной неосторожности. Да, как это ни печально. Ну и с вашей помощью. Ребята, ребята... Поверьте, мне недешево обошлось устроить его по-человечески.

Апостол. Да ну?

Дух. Без шуток. Ему там хорошо. Не обижают. Подкармливают.

Афган *(Апостолу и Рикки)*. Дух хочет сказать, что он не какой-то там баклан, а влиятельный босс.

Рикки. Основной.

Дух. Н-ну... Давайте откровенно, ребята. А? Карты на стол?

Рикки. Он приглашает в подкидного...

Апостол. Погоди, Рикки. *(Духу.)* Давайте.

Дух. Что?

Апостол. Откровенно.

Дух. Это зависит не столько от меня, сколько...

Апостол. Понятно. Но поговорить хотели вы, а не мы. Значит, начинать вам.

Дух. Я полагал, что могу быть вам полезен.

Афган. Ты? Нам?

Дух. Вам. А еще лучше — взаимно.

Афган *(ребятам)*. А что? *(Духу.)* У тебя две квартиры на одну семью. А Рикки с мамой в одной комнатухе. Может, поделишься?

Дух *(деловито)*. На очереди стоите?

Рикки *(подыгрывая Афгану)*. На льготной. Десять лет.

Дух. Мне бы ваши заботы. Поделиться не смогу. Противозаконно. Но скажу... там одному... *(Рикки.)* Двухкомнатной хватит?

Рикки. Вполне. Но я дошел до зампреда облизполкома. Он не может.

Дух. Сможет, если захочет... Но это не уровень. Я скажу кое-кому повыше...

Рикки. Кому?

Дух. Кому, кому... Человеку.

Рикки. И сделает?

Дух *(смеется)*. Всякое дело человеком ставится, человеком и славится. Сделает с удовольствием. Он с меня имеет больше, чем я с него.

Рикки *(ребятам)*. А мы на него бочку катим.

Дух. Все можно по-людски... А то кружитесь, кружитесь, как бычки на приколе... Мы и подумали, надо встретиться с ребятами. Чего-то же они хотят.

Афган. И как думаете? Чего хотим? Кроме квартиры.

Дух. Здесь никогда точно не угадаешь. Но правило такое: чем больше вы о нас знаете, тем больше потребуете. *(Смеется.)*

Рикки *(ребятам)*. С ним стоит потолковать.

Афган. Знаем-то мы предостаточно. Все оплатите?

Дух *(что-то шепчет на ухо Нагу, тот утвердительно кивает головой)*. Оплатим. Но то, что мы знаем о вас, тоже кое-чего стоит. Так что придется заняться вычитанием.

Рикки *(кивнув в сторону Нага)*. А этот что, немой у вас?

Дух. Пусть лучше молчит.

Рикки. Молчание — золото...

Дух. Его слово, бывает, человеческой жизни стоит.

Афган. Любопытный разговор завязывается. И что же вы знаете?

Дух. В общем, вы мне нравитесь. *(Пауза.)* Но вот хороших людей повадилось спихивать с моста...

Рикки. Блефуешь, Дух.

Дух. Всегда? Значит, ты шулер.

Рикки. Всегда? Значит, ты шулер.

Дух *(внимательно посмотрев на него)*. Разыграли вы меня. С квартирой... Молодцы.

Афган *(Духу)*. Почему не настучал, если с козырями?

Дух. Фу-у... Не люблю этих, с красными околышами.

Рикки. Мы догадываемся.

Дух. Между прочим, это у нас общее.

Рикки. Смотрю, мы поговорим-поговорим, а потом и побратаемся.

Дух. С тем и пришел.

Афган. И не против задушить нас в объятиях.

Дух. Вы кое-что знаете обо мне, я — о вас... Не знаю, побратаемся ли, но подружиться — вполне... Почему бы и нет?

Апостол. Потому, что мы знаем больше. Дорогу к вышке. Для вас обоих.

Дух. Ребята, все это ваши фантазии... И только. Допустим. Покопались на кожзаводе, на кожгалантерее, на кондитерской... Или на кондитерской не вы?

Афган. Мы.

Дух. Я думал, милиция.

Афган. Для вас это было бы куда лучше?..

Дух. Мне все равно. Ни моих, ни его пальцев там нет. Сами убедились.

Рикки. Следы-то остались.

Дух. Я работаю не руками — головой. Идеи следов не оставляют. Это штука нематериальная, неуловимая...

Рикки. Мы уловили. И кроме того, ты забыл о барах.

Дух. А, ерунда. И говорить не о чем.

Апостол. Ничего себе ерунда! Двадцать кусков навару ежемесячно!

Дух. Почему двадцать? Больше. Но все равно мелочевка. И опять же пальчиков моих и там нет.

А ф г а н. Зато ты сам перед нами.

Дух. Из симпатии к вам.

Рикки. Я же говорил, побратаемся.

Дух. Нет, серьезно. Мне понравилось, как вы на меня вышли. Я думал: у этих ребят мозги в порядке..

Апостол. Не жалуемся.

Дух. Ну-ну... Заважничали. Здесь стечение обстоятельств. Сплошные случайности... Между прочим, вы бармену ребро сломали.

Рикки. Пусть не выпендривается... В следующий раз будет отвечать, когда спрашивают.

Дух. У меня этих барменов...

Наг предупреждающе кашлянул.

А контактирую я только с этим... Снова случай. Это же сколько ребер надо было переломать, чтобы выйти на него? Если бы не случай?

Рикки. Хоть тысячу.

Дух. Непродуктивно. Да и ни к чему. Больше он уже никому и ничего не скажет. А от того, что сказал, откажется.

А ф г а н. Нам подписанные протоколы не нужны.

Дух. Понятно. Вы и следствие, и суд. И приговоры тоже собственноручно... Зачем это вам? Что вам надо?

А ф г а н. Чтобы мерзавцев не было на свете.

Дух. А точнее?

Рикки. Можно и точнее. *(Чеканит каждое слово.)* Чтобы мерзавцев не было на свете.

Дух. Да... Я забыл, что вы с идеалами. Но знаете... Я-то повидал больше вашего. И жизнь меня научила, что за каждым идеалом всегда какой-нибудь этакий интелесик шевелится. Материальный. Вы об этом думали?

Апостол. Как же... Думали.

Дух. Приятно. Это облегчает разговор... Как-то дико получается. Двоим дачи сожгли, троим машины угробили...

Рикки. Четыре. Машины.

Дух. Ну? Один не наш.

Рикки. Ваш, ваш. Загребают под себя всеми четьрьмя.

Дух *(взгляд в сторону Нага; тот отрицательно качает головой)*. Промазали. Не наш.

Рикки. Что этот козел трясет головой? Он меня раздражает...

Дух. Впрочем, наш — не наш... Какая

разница, в сущности? Я вижу, разговор у нас не получается. Пока доверия нет, ничего не будет. *(Взгляд в сторону Нага; тот кивает.)* Кому-то придется начать...

А ф г а н. Начинайте вы. И не тяните.

Дух. Понимаете, нам всегда кажется — я тоже не исключение,— что все в наших руках. А на самом деле обстоятельства вертят нами как им заблагорассудится... Короче, ваш кореш... С ним ошибка вышла...

Пауза.

Слово-то глупое — ошибка... Мы хотели только припугнуть... А эти кретины... Ну, вы знаете...

Пауза.

Он начал к моей Людке присматриваться... Я подумал — баклан, шантажнуть хочет... Только попугать намеревались... Апостол. О ком это вы?

А ф г а н *(Апостолу)*. Перестань. Он все знает. *(Духу.)* Теперь я на очереди?

Дух. В каком смысле?

А ф г а н. На испуг. Я ведь тоже знаю Людмилу.

Дух. Упаси бог! Она мне говорила о тебе. Мне даже приятно... Ну а если уж зашел разговор... Хотел попросить... Не надо, чтобы она знала. Люда здесь ни при чем.

А ф г а н. Хотелось бы верить.

Дух. Что было, то было. Забудем. Дух перед вами, как на духу... *(Улыбнулся каламбуру.)* Мы должны договориться.

Апостол. Нам что, идти вместе с вами воровать?

Дух. Ничего-то вы, мальчики, оказывается, о нас не знаете. Разве мы воруем? Мы подбираем крохи. Они падают со стола, а мы подбираем.

А ф г а н. Крохи-то золотые.

Дух. Что падает, тем и довольствуемся. Газеты немножко читаете? Бесхозийственность у нас. Катастрофическая.

Рикки. Ваша работа.

Дух. Экономического образования у вас — кот наплакал. Мы — не причина, мы — следствие. О резервах, должно быть, слышали? Так вот, мой друг и я — спецы по резервам. Все кричат о резервах, а кто знает, где они? А мы знаем. Ребята, там золотые самородки под ногами. Не думайте, что это меня радует. У меня сердце болит...

Рикки. Страдалец... Найдете — отволоките в банк.

Дух. Несправедливо будет. Вижу-то их только я. На кой черт мне делиться со свистунами. Да и не хватит на всех. Рикки. Теперь на дворе реформы. Эти ваши самородки все видят. Но у вас руки более липкие.

Дух. Хм... А почему, знаешь? Все эти реформы, ну почти все, я придумал еще лет двадцать назад. Самостоятельность предприятий, хозрасчет, кооперативчики. Рикки. Как же из реформатора сделался мафиози?

Дух. Вот любят у нас, чуть что, ярлыки вешать! И кончен человек! А здесь целая сага... Я когда-то по молодости да по глупости статью накропал. Как жить, что делать — почти система получилась. Надо было понемножку, полегоньку. Тогда много такого писалось, даже поощряли. А я на целую систему размахнулся... Здесь уже другие оценки. Ее, конечно, не напечатали, но кое-кто прочел. Меня — на ученый совет. Говорят, под социализм, голубок, роешь. Ясное дело, нельзя такого к студентам подпускать. Вот так я и завязал с теорией. (*Кивнул в сторону Нага.*) А практика из меня он сделал... Эх, ребята, ребята... Ребята с идеалами. В вашей шкуре я уже побывал, а вы в моей... Не дай вам бог!.. Не знаете, как можно человека растереть. На крупу. Чтобы удобнее было клевать...

Апостол (*искренне*). Но ведь теперь все по-другому!

Дух (*рассеянно*). Ну и что?

Афган (*язвительно*). Он не теряет надежды вас перевоспитать.

Дух. А! Люблю я эти порывы! (*С патетической ноткой, Апостолу.*) Ты один среди них видишь во мне человека. (*Пауза.*) Реформы... Двадцать лет назад я бы за них жизни не пожалел. А нынче всего этого уж слишком мало.

Афган. Для таких, как ты?

Дух. Что я... Для страны.

Рикки. Государственный ум.

Апостол. А чего не хватает-то?

Дух. Как бы это сказать попроще... Понимаете, кто скажет «а», должен рано или поздно сказать «бэ»...

Афган. А если не бляеть?

Дух. Нам говорят: все то, что теперь делается, — шаг вперед в развитии социа-

лизма. Ближе к сияющим вершинам. Лажа. Просто переступили с ноги на ногу... Вы ведь ребята умные и, надеюсь, со временем кое-что поймете.

Афган. Темнишь.

Дух. У нас есть такая болезнь — слов боимся. Не явлений. К ним-то мы быстренько приспосабливаемся. А слов пугаемся.

Рикки. Только не мы.

Дух. Что же... Я уже и сам сказал «а»... Так вот, ребята, реформы — это, конечно, хорошо. С ними наша экономика еще кое-как лет десять проковыляет. А потом надо будет предприятия отдать... Апостол. Кому?

Дух. Не лентяям-краснобаям. Таким, как я, как твой батя. (*Кивнул в сторону Нага.*) Ему. Землю — тому, кто на ней потеть умеет. Идея здесь простая. Каждый делает то, что умеет, причем хорошо делает. Не умеет — вылетает в трубу. Его место занимает тот, кто умеет. Вот это и будет второй шаг.

Апостол. Это же... капитализм?!

Дух. А говорили, что не боитесь слов.

Апостол. Ну, мы эти фокусы знаем... Что у человечества один лишь путь. Тот, что у тех, за бугром.

Дух. Это не фокусы. Мы с вами бредем на ощупь, как слепцы, проселками. Почему нам все время приходится догонять Запад? Потому, что он идет себе проторенной дорогой. А мы догоняем, догоняем... И все — окольными путями. Афган. Кого нам догонять-то?

Дух. Хотя бы Соединенные Штаты.

Афган. Вот ты и вляпался. И мы, и Штаты — великие державы.

Дух. А откуда оно, это наше величие? Знаете? Деревня сделала нас великой державой. Моя мать, отец, ваши дедушки и бабушки. Ну-ну, горожане... Кость у вас крестьянская еще не выродилась... Почти семьдесят процентов нас тогда было — деревни. Сплошная деревня. И, конечно, благодаря природе-матушке. Щедра к нам. Не по заслугам. Высосали ее, правда, теперь остатки вылизываем...

Рикки. Так в какой это деревне атомную бомбу склепали? А водородную?

Апостол. И баллистическую ракету?

Дух. В деревне денешки для бомб клепали. Представьте себе, свыше ста миллионов людей целыми днями вкальвуют... Бесплатно. Подобрал колосок — в тю-

рягу. Это как называется? Ну?.. Крепостничество. А вас, дураков, научили называть это социализмом. Почему же не сделать великой державой, когда столько дураков? И, главное, бесплатных.

Рикки. Кончай лапшу вешать. Мы тоже учили историю.

Дух. По книжкам. А меня она полосовала по живому. Первое легкое мне вырезали в шестьдесят седьмом, а туберкулез меня нашел еще в пятьдесят втором. Когда лебеду жрали. Радикулит мой, который теперь вылез, на свекле приобрел, на маминой делянке. Она-то уже не могла нагибаться, а норму все равно давали... Но я себе еще тогда сказал: дураком не буду. Вот так, желторотики.

Рикки. Слиял, значит, от трудностей в город? А люди пахали.

Афган. Люди верили... Для будущего...

Дух. Люди выжить хотели... Э, чтобы выжить, человек многое может вынести... И на все пойдет, чтобы хотя бы немножко еще пожить.

Апостол. Не все. И не на все.

Дух. Молодец. Есть предел. Что интересно, его одинаково хорошо знают и те, кто вкалывает, и те, кто командует.

Апостол. Я не о том...

Рикки. Погодите... Теперь же в колхозах платят...

Афган. И даже неплохо. Притом давно. (Духу.) И здесь ты промазал.

Дух. Когда начали платить, так и дырки в бюджете засветились. Причина, конечно, не единственная, но существенная. Если теперь придется какую-то новую бомбу клепать, то надо будет, ребятки, снова пояса затягивать. Посмотрю я тогда на вас, энтузиасты.

Афган. Что ж, затянем.

Дух. Ну и это уже не поможет. Придется сворачивать с проселков...

Афган (перебивает). Так мы тебе и поверили. Семьдесят лет стране, столько крови, жертв, мучений, надежд... И что, все напрасно?

Дух. Почему же? Об отрицательном результате в науке слышали? Ученый экспериментирует, бывает, и всю жизнь. А в конце концов оказывается, что идея-то была ложной. Мы — жертвы такого эксперимента. Зато другие будут знать, что делать.

Афган. Подкован ты капитально. Но нам не так-то легко мозги запудрить. К на-

шим идеалам с грязными лапами... Нашей веры не трожь!

Дух. С верой надо в церковь. А вы в споры лезете.

Рикки. Мы вас все равно закопаем.

Дух (внимательно смотрит на него). Не исключено. Ребята вы хваткие. Послушайте, ну а так, по-людски, что вы против меня имеете? Сами знаете, у меня ни дачи, ни машины, за воротник — ни-ни... Я, в принципе, спартанец... Людей куча около меня кормится...

Афган. Кормятся... Жируют.

Дух. Люди как люди. С них взятки гладки. Других-то стимулов не знают. (После паузы.) Вы, может, завидуете? Чужие деньги не дают вам покоя? Я объяснил, зачем мне деньги. Не поняли?.. Все это вот-вот рухнет. Надо будет заново строить. Не с пустыми руками начнем... Подумайте, кого закапывать собираетесь.

Афган. Мафию.

Дух. Значит, самых деловых, умных, предприимчивых. Экономическую элиту. (Кивнул в сторону Нага.) Знаете, чего стоят его мозги? Не меньше, чем у Рокфеллера. Если бы он мог развернуться! (К Рикки.) Кроссовки на толчке брал? Ну конечно. А штаны?.. Дайте ему волю, он за полгода завалит магазины шмотьем. Что там шмотьем... Компьютерами, машинами, запчастями, жратвой — всем, на что спрос будет. И вам работа найдется, не будете ерундой заниматься...

Афган. Ты это нам?! Ты выполз на полчаса из подполья...

Дух. А вы откуда?! Циркачи. С идеалами, но в масках. В намордниках. Порядок они наведут! Нужен он кому-то... Почему не пошли в милицию?

Пауза.

Рикки. Сами задавим.

Пауза.

Дух. Не склеился разговор... Ну, нам пора... Да, еще вот что, по мелочевке... (Апостолу.) Мы с твоим стариком договорились: ему там будет хорошо, пока меня здесь не трогают. Смотри, до беды не так далеко... В зоне это просто делается. Скажем, сидит твой старик в сортире. А сзади какой-нибудь урка бросает лом. Отточенный. Как бабочку прищиплит.

Апостол. Понятно.

Дух. Оно, конечно, все померем... Но в такой позе... Бр-р... (*Нагу.*) Пошли.

Рикки. Афган! Проводим...

Апостол. Нет. Я провожу.

Дух, Наг и Апостол выходят.

Афган (*после паузы*). Ты заметил? Апостол нам не доверяет.

Рикки. Вбил Дух клин между нами. Скажи?

Долгое молчание. Входят Апостол и Кибер.

Кибер. Порядок. Они без прикрытия. Ребят я отпустил.

Афган (*Киберу*). Ну разговорчик у нас был!

Кибер. Знаю. Апостол рассказал.

Рикки (*Киберу*). И что скажешь?

Кибер. Дух нас загнал в угол.

Апостол. Это еще посмотрим.

Рикки. Мы, оказывается, ни фига не понимаем. Приходит какой-то барыга, небрежно бросает через бедро...

Афган. Ты о чем?

Рикки (*хмуро*). О проселках.

Афган. Нас мало, а их много... Здесь гражданской войной пахивает, ребята.

Рикки. Я давно это знаю. (*Пауза.*) А! Ерунда! Жидковаты они против нас.

Кибер. Что-то мы не додумали. И пока не думаем, никаких переговоров.

Рикки. Силу наращивать. Потом мы не так с ними поговорим.

Кибер. Будет сила — ума не надо. Да? У нас даже программы нет... Знаете, почему он вас вербовал? Он нюхом

чует, как мы мелко плаваем... В теории. (*Афгану.*) Ты со своим равенством...

Ему как медом по губам. Дорвется до власти, он вам устроит равенство. По росту выровняет. В одинаковых бараках,

на одинаковых нарах спать будете. (*Рикки.*) И такие, как ты, ему нужны.

Приказания его выполнять. Командовать любишь... Будешь командовать, но так,

как он скажет...

Афган. Ну хорошо. То, что мы предлагаем,— ни в дугу. Пусть. А ты что скажешь?

Кибер (*после паузы*). Еще не знаю... Думаю.

Апостол. Ребята...

Афган (*Апостолу*). Ты молодец. Хорошо, что мы с ними встретились.

Апостол. Оставь. Я понимаю, вы со мной по-братски...

Афган (*перевивает*). Чего-нибудь придумаем...

Апостол. Не надо. Я сам все сделаю.

Рикки. Все переносим на завтра. По домам! Продувайте мозги на завтра.

Афган, Кибер и Рикки идут к выходу.

Апостол. Всё иллюзия, обман зрения... Они останавливаются, подходят ближе.

Афган. О чем ты?

Апостол. Иллюзия, что от зла может родиться добро, а от добра — зло.

Рикки. Я думал, ты о Духе...

Апостол. Это обо всех. Это намного важнее... Добро и зло, они отдельно, они

всегда отдельно. Две нити издавна. Переплетаются, узлами вяжутся, но они

всегда отдельно. А мы видим узел и нам кажется — вот, от зла произошло доб-

ро. Обман зрения. Добро — от добра, зло — от зла. Только так. Если бы мы

могли проследить до конца все связи, каждый увидел бы. Две нити. Одна от десяти заповедей, а другая... не знаю... может, еще от обезьяны.

Рикки. Кто их там теперь помнит, эти заповеди...

Апостол. А надо бы. Хотя бы шестую.

Афган. Это о чем?

Апостол. Не убий. И сразу понятно, где мы.

Афган. И где мы, по-твоему?

Кибер. И там и там.

Апостол. Сам себя к кресту не при- бьешь.

Рикки. Ты нас угробишь своей мистикой.

Апостол. Каждый из нас или на кресте, или забивает гвозди в другого. Мы забиваем.

Афган. Ошибаешься. Мы — внуки нашей революции. Она была против зла.

Апостол. Мы — внуки победителей... Афган. Вот именно.

Апостол. Они победили насилем. Поэтому и нас так привлекает насиле.

Других способов нам просто не дано знать.

Рикки. Других и нет.

Апостол. Для нас нет.

Афган (*обнимает его*). Так чего мучаешься?

Апостол. Я думал, что можно удер- жаться в одиночку... Там, где добро.

Если быть сильным и стойким... Оказывается, невозможно. Я там, где зло. Наследственно. А если так, то чего держаться? Короче, Духа и Нага я беру на себя.

Афган. А твой старик? Дух не блефует. Апостол. Знаю.

Афган. Ну... Мы еще все хорошенько обмозгуем.

Апостол. Жалеете меня? Афган, я тебя до донышка вижу. Вас всех. Мне вашей жалости не надо. Не хочу. Я сам. Это мое дело. Слышите? Мы все запрограммированы на зло: я, мой старик, Дух, вы... И конца ему не видно. Одно зло плодит другое. Надо оборвать. Как вы не понимаете? Каждый... стоит каждому оборвать свою нить, и зло прекратится. Исчезнет...

Рикки. Так все понятно, так просто было. Что это с нами происходит? *(Стучит пальцем по голове.)* Усушка и утруска?

Афган. Запутались мы. В символах. Символы, они заслоняют людей. Мы как привыкли? Вор — и все. Взятчик — и точка. Мафиози — и хватит. А он, оказывается, пацанку свою любит... И она — его...

Апостол. Да-да... Он тоже живой...

Афган. Потому и рука на него не подымается.

Апостол. Не подымается. Но... все равно надо.

Рикки *(Апостолу)*. Это ты нам западланку устроил. Тебе приспичило с ними говорить.

Апостол. Я иначе не мог. *(Помолчав.)* Я выхожу из комитета. Из организации тоже.

Афган. Не дури.

Апостол. Сам буду. Сначала Духа и Нага, потом...

Афган. Что потом?

Апостол. Ничего...

Афган. Если мы решим... так лучше уж кто-то из нас... Мы.

Апостол. Нет.

Афган. Как потом.... жить будешь?

Апостол. А кто сказал, что надо жить?

Афган. Брось, старина... Так и свихнуться недолго.

Апостол. Может я буду... последним убийцей... Это вам на будущее. К вашей программе. *(Выходит.)*

Рикки. Чудак он все же...

Кибер. Он тянет все на себя, чтобы мы не замазались.

Афган. Прикончит их, а потом — себя.

Пауза.

Рикки. Так что будем делать? Кибер, ну-ка, выдай парочку вариантов... Может, черт с ним, с Духом?

Кибер. Что для нас важнее — убить его или нейтрализовать?

Рикки. Какая разница?

Кибер. Мне, например, его смерть ни к чему. Лишь бы он завязал.

Афган. Как ты его нейтрализуешь?

Кибер. Запугать. Пусть у него где-то там лапа. Пусть мохнатая. Но все равно он боится. На этом и сыграть. Надо заключить с ним соглашение. Как между двумя правительствами. Запишем все, что знаем. Выбирай, друг: или вышка, или распускаешь контору. Наворованное пусть подбросят в милицию. А мы гарантируем тайну. Подписи.

Рикки. Как, Афган?

Афган *(после паузы)*. Пожалуй... А того, кто убил Муромца, пусть сами ликвидировать.

Рикки. Обманут.

Афган. Пусть сбросят его с моста. Мы посмотрим с набережной.

Кибер. И Апостол чтобы видел.

Афган. Я его приведу.

Улица. Вечер. Появляются Люда и Афган.

Люда. Ну ты умеешь пропадать! Я уже думала — все...

Афган *останавливается*.

Чего ты? Так смотришь...

Афган. Так... Думаешь, я могу пропасть?

Люда. Ходил, ходил — и вдруг исчез.

Афган. Днем лекции. Вечером... тоже дела.

Люда. Я знаю, почему ты не приходил. Я тогда наболтала глупостей? Да?

Афган. Не больше, чем я.

Люда. Что ты! Ты — умница.

Афган. Ага. Сам удивляюсь.

Люда. Скажи... Ты подумал, что я... пустышка?

Афган. Почему?

Люда. Наболтала, наболтала...

Афган. Ну, все болтают.

Люда. Ты не думай, я... серьезная.

Афган. Вижу.

Люда. Я хотела тебя из твоей ракушки выманить... Ты такой... сосредоточенный. Будто постоянно ожидаешь нападения...

Афган. Сама придумала? Или подсказали?

Люда. Чувствую... Даже сейчас... Можно тебя спросить?

Афган. Какая ты любознательная... юный следопыт.

Люда. Может тебе тяжело вспоминать... Не отвечай, я не обижусь... Ты там таким стал? В Афганистане?

Афган. Н-нет... Не думаю. Там, если откровенно, было проще. Для меня, во всяком случае. Все понятно. Ну, страшно, конечно. Но здесь иногда еще страшнее. Не за себя, а... вообще...

Люда. Что здесь страшного?

Афган. Что ничего не изменилось... Понимаешь, мы там думали, что здесь все изменилось. Все иначе. Мы — там... ребята гибнут, значит, здесь не может быть, как было...

Люда. Что не может быть? Все нормально, по-моему.

Афган. Ты действительно такая птичка божья? Чирик-чирик, а понимания — ноль?

Люда. Ну, знаешь!

Афган. Ладно, не обижайся.

Люда. Жаль мне тебя очень... Сама не знаю почему...

Афган. Ты себя лучше пожалей.

Люда. Колючка. Ты мне не веришь?

Афган. Не все ли равно?

Люда. Если бы ты мне поверил, я бы твои колючки пригладила...

Афган молчит.

Нет, себя жалеть не буду. Я на себя сердита. Наболтала глупостей... Отец на секретной работе! *(Смеется.)* Знаешь, где он работает? Сама только позавчера узнала. Инженером-экономистом в коммунхозе.

Афган. Уже не там. Со вчерашнего...

Люда. И не сказал.

Афган. Свои, разберетесь... Да! Я с ним познакомился.

Люда. Ой, какой молоток!

Афган. Случайно. Дело у нас общее. Он не говорил?

Люда. Нет... А когда познакомились?

Афган. На прошлой неделе.

Люда. Почему же он мне не сказал?

Афган. Кто его знает.

Люда. Вы... поссорились?

Афган. Ну что ты!

Люда. Видно, ты ему не понравился.

А я так хотела...

Афган. Что?

Люда. Так... *(После паузы.)* Я его очень люблю...

Афган. И он тебя?

Люда. И он... В прошлом году я болела. Он пошел за лекарством... А я уснула.

Как-то так крепко. И что ты думаешь? Возвращается с лекарством, смотрит — я без движенья. Это он уже потом рассказывал...

Он подумал, что я умираю. Подхватил на руки и понес. Просыпаюсь уже в подъезде. Он меня в больницу нес. А в квартире же телефон, можно и позвонить... Еле я его валерьянкой отпоила.

Афган. Он, вообще-то, не из пугливых.

Люда. Очень сдержанный. Никаких нежностей никогда... Я его даже боялась.

А тогда поняла, как он меня любит.

Афган. Чуть не забыл. Понимаешь, дело-то наше мы не решили. Он не знает, где меня найти, а я теперь не знаю, где его искать. Увидишь — скажи, что мне надо с ним потолковать.

Люда. А что за дело?

Афган. Он знает. Пустяки.

Люда. Скажу.

Афган. И еще. С тобой, возможно, захочет познакомиться один парень...

Такой белокурый, спортивный. Отшей его. Люда. Вербовщик?

Афган. Нет. Он хороший парень.

Люда. Звать его как?

Афган. Он может назваться как угодно. Впрочем, спроси его: ты — Апостол? И отшей.

Люда. Я знаю, что ему надо.

Афган *(смеется)*. Сообразительная. Чего надо парню от девчонки?

Люда. Он попросит, чтобы я свела его с отцом. Да?

Афган. Не знаю. Может, сам скажет... У них там, кажется, какие-то старые счеты. Лучше им не встречаться.

Люда. Зачем вам всем мой отец? И тебе не я нужна, а он... А я думала...

Афган. Я о нем между прочим вспомнил... Перестань.

Люда. Чик-чирик... Я птичка божья... Не переживай. Сведу тебя с отцом.

Темнота. Слышны голоса: «Черт, ударился...», «Где здесь свет?», «Сейчас».

Освещается захламленный подвал. Входят Афган, Кибер и Рикки, у которого в руках футляр со скрипкой.

Рикки. Вчера этого мусора здесь не было. Весь проход завалили. *(Смотрит в противоположную от входа сторону.)* И там целая гора...

Афган. Наверху убрали, подвал засвятили.

Кибер. Через месяц мы должны сюда переехать. Весь институт.

Рикки *(кладет скрипку на пол)*. Хорошо, что от домов далеко. Нигде ни души. *(Киберу.)* Молодец, клевое место.

Кибер. Я уже давно его приметил. Я здесь трудовинность отбывал. Две недели.

Афган. Руководил?

Кибер. Раствор таскал, штукатурил, мусор носил... Странно все же... Никто не требует, чтобы каменщик или штукатур был еще и инженером. А инженер почему-то должен быть мастер на все руки.

Рикки. Зачем железная дверь? Что у вас здесь будет?

Кибер. Склад какой-то.

Афган *(смотрит на часы)*. Ну я пошел встречать. *(Киберу.)* Не задерживайся тут. *(Выходит.)*

Рикки. Ты наверху все осмотрел?

Кибер. Начал с чердака, закончил на первом этаже. Каждое помещение. Слушай, может, я все же останусь?

Рикки. Они тебя не знают — только зря засветишься. *(Смотрит на часы.)* Да и ребята уже сходятся. Кто-то из нас должен быть с ними. У тебя еще полчаса.

Кибер. А если у них оружие?

Рикки. Тогда и ты не поможешь.

Кибер. Все же...

Рикки. Они в переговорах больше нашего заинтересованы. Давай топай, а то еще нарвешься на них.

Кибер *(принюхивается)*. Чем это здесь так воняет?

Рикки. Бензином, что ли?

Кибер. Откуда здесь бензин?

Рикки. Здесь что угодно может быть... Встретимся на набережной. Афган приведет Апостола.

Кибер. Ну, привет! *(Выходит.)*

Рикки делает разминку. Наносит удары воображаемому противнику. Через некоторое время входят Афган и Наг.

Рикки. А Дух? Вознесся?

Наг. Придет позже.

Рикки. Немые заговорили! Чудеса!

Наг. Где ваш... этот... Апостол или как его?

Афган. Увидишь его на набережной.

Наг. Не темните. Людку сначала ты обхаживал, потом он. Чтобы на шефа выйти. Теперь этот сучонок третий день за нами бегаёт. И без подмены... Вы что-то не поделили...

Афган. Нам нечего делить.

Наг. Не можете договориться... На кой черт тогда соглашение?

Афган. Не бойся. Прикончите убийцу Муромца — и живите. За Апостола мы расписываемся.

Рикки. А что Дух комбинирует? Смотри, ты можешь не выйти отсюда. Где он?

Наг. Сбросит с хвоста вашего Апостола и придет.

Рикки. Смотри, смотри...

Наг. Но я должен выйти и сказать ему, что здесь чисто.

Рикки. Выйдешь со мной.

Наг. Если я буду не один, он уйдет.

Рикки *(Афгану)*. Они вяжут какую-то комбинашку...

Афган. Куда они от нас денутся? Думаешь, ему жить надоело?

Наг. Пойду встречу... *(Идет к выходу.)*

Входит Люда. Наг остолбенел.

Рикки *(после паузы)*. Я так и знал.. И она в коdle.

Наг *(Люде)*. Ты чего?! Брысь отсюда! *(Ребятам.)* Сейчас я ее...

Афган. Погоди.

Люда. А где папа?

Афган. Сейчас придет.

Люда *(кивнув в сторону Нага)*. Я слышала их разговор...

Наг. Подслушивала... Паскуда!

Люда. Не все, правда, слышала... Столько лет жила себе... *(Афгану.)* Как жила? Скажи...

Афган. Как все, наверно.

Люда. Как птичка божья. Без проблем.

Наг. Ну и живи, дура, дальше.

Люда. Какие-то тайны вокруг... Одному надо видеть отца, другому... Какие-то намеки...

Афган. Это Апостол тебе наговорил? Тот, что приходил?

Люда. Он сказал, что его друзья продадут здесь души дьяволу. Кто дьявол?

Наг (*Афгану и Рикки*). Пока она здесь, разговора не будет. (*Схватил Люду за руку*.) Пошли. (*Ребятам*.) Я сейчас...

Афган. Оставь ее. (*Подходит к Люде; она отступает от него*.) Не бойся... Я... виноват перед тобой. (*Гладит ее по голове*.) Я не нарочно. Так получилось. Ты мне веришь?

Люда. Верю.

Афган. Тебе нельзя здесь... Понимаешь? Я потом объясню. Если выдержишь, может... все будет иначе... Иди.

Люда выходит вслед за Нагом.

Рикки. Я тоже выгляну.

Наг возвращается. Молча смотрит на Афгана и Рикки.

Афган. Чего тебе?

Люда (*входя*). Там... дверь закрыта.

Афган. Что? Так откройте.

Люда. С той стороны....

Рикки. Я говорил, что они плетут комбинацию...

Наг бросается к выходу. Афган и Рикки тоже выбегают. Слышно, как они втроем бьют в дверь. Потом Афган и Рикки приволакивают Нага.

Афган. Ну-ка, давай сюда! На солнышко!

Наг рвется к выходу.

Хватит комедий! Кто закрыл?

Наг. Нарколыга один... Это он вашего Муромца подрезал... Есть у вас кто наверху? Или во дворе? Прикрытие?

Рикки. Зачем закрыл? Чего он хочет? Наг (*истерично*). Чего хочет? Чего он хочет?! А вы что хотели с нами сделать?!

Афган. Кто его навел?

Наг (*в истерике*). Я! Показал, где бен-

зин спрятан! Зажигалку дал! Я! Все я! Рикки. Ну, Дух... Подловил...

Наг. Кто? Эта гнида? Он только башлять умеет. (*Бьет себя кулаками по голове*.) Я все придумал.

Афган. Погоди... А почему ты здесь? Наг. Вы что? Малахольные? Мы с Духом обрубали концы. Бармен, те двое, что на танцах, — им уже кранты. Теперь — вам. Я должен был выйти и смыться. А нарколыга закрыть дверь и поджечь.

Афган (*Рикки*). Обрубать концы... и оставлять столько трупов...

Наг. Какие трупы? Кости обгорелые найдут. И бутылки. Вон они, в углу. Пьянь перепилась... И меня уберут заодно! Ну... фраернулся...

Рикки (*Афгану*). Они хитрят. С чего бы это он нам все выболтал?

Наг. Вы поймете, наконец? Сейчас подожжет! Потому и рассказал... Есть кто поблизости? Ну, прикрытие? Дайте им сигнал! Ну! Ребята, я честно... Бабки все вам... Или мильтонам, пусть подавятся. И завязываю. Нет, еще Духа стукну. И на дно. Честно! Дайте сигнал! Что надо? В потолок постучать? В стенку?

Афган (*к Рикки*). Давай еще раз дверь попробуем...

Выбегают.

Наг (*в отчаянии*). Придурки. Без прикрытия... (*Тянет Люду к выходу, она вырывается*.) Кричи, ты, стерва! Кричи, что ты здесь! Нарколыга не знал, кто ты такая!

Люда бьет его по лицу.

(*Отпускает ее. Кричит*.) Эй, ты! Здесь Людка! Он же тебя за нее изувечит! (*Прислушивается*.) А может и папаша явился? Потому и не поджигают? (*Кричит*.) Слышь, ты! Здесь твое отродье! Иди, посмотри! Выйдет отсюда только со мной! Ха-ха-ха!

Возвращаются Афган и Рикки.

Рикки. Ломик бы сейчас...

Афган. Апостол... Если бы пришел Апостол...

Люда. Он придет.

Афган. Откуда ты знаешь?

Люда. Я ему сказала, где у нас встреча. Хотела вас всех собрать... Все узнать...

Афган. Узнала...

Люда. Это правда? Мой... убийца?

Афган. Да.

Люда садится на пол, закрывает лицо руками.

Афган (*гладит ее по голове*). Ну-ну... Наг (*кричит в дверь*). Ты, парашечник! Думаешь, меня поджаришь, а сам будешь жить? Поедешь на хату, а там уже яма для тебя готова! Ну, вспомни! Тебе было сказано прийти на хату! Да? Чего молчишь? Я ведь знаю! Выпусти меня, по-

кажу яму! Я сам копал... Тебя даже искать не будут. Ты из зоны убег!

Стукнула дверь.

Рикки. Тише! (*Бросается к выходу, Афган и Наг — за ним.*)

Пауза. Афган и Рикки вносят Апостола.

Афган (*слегка хлопывает его по щекам*). Живой...

Наг (*кричит за сценой*). Выпусти меня! Мы эту гниду вместе раздавим!

Апостол шевельнулся. Афган и Рикки помогают ему сесть.

Апостол (*правой рукой поддерживает левую*). Там темно... Ослепил меня фонарем. Я прикрылся. А он — ломом. Руку перебил... Без руки я не боец...

Люда с ужасом смотрит на них.

Афган. Подполье... Законспирировались... Знаете, ребята, даже там, в нашем подвале... Никто о нем не знает... Все где-то там, вдали... А казалось всегда, что люди недалеко. Рядом! Правда?

Рикки. Точно. Крикнешь, позовешь — и прибегут...

Апостол. А здесь — кричи не кричи... Глухо... Мы не заслужили, чтобы крикнуть — и кто-то прибежал. Сами отделились от всех.

Афган. Как это случилось, ребята, что мы... одни? Одни на целом свете? И ни живой души вокруг...

Рикки (*прислушивается*). Шуршат... (*Кричит*). Сволочи! Крысы! Гады! Что вы там ползаете? Выползайте сюда! Честно! Один на один! Десять против одного! Выходите!

Афган. Нас не научили... Мы не умели жить... Так хотя теперь... чтобы достойно...

Люда встает. Удивленно, с робкой, растерянной улыбкой смотрит на всех.

Людмилу напугали... Все. Спокойно. (*Обнимает ее*). Не бойся.

Люда. Вы меня обманули? Это шутка?

Афган. Ну! Не сердись... Сейчас пойдем отсюда.

Люда (*Апостолу*). А рука?

Апостол (*поднимается*). Пустяки.

Наг выкрикивает за сценой что-то неразборчивое.

Люда. А он боится... Скажи и ему.

Афган (*тоном заговорщика*). Мы его еще немножко попугаем.

Люда. Он злой?

Афган. У-у... Бандит.

Люда. А ты добрый?

Афган. Не знаю.

Люда. Добрый.

Афган. Ты хорошая. Я тебя люблю...

Ну-ну... И все хорошие. Ну, не все. Но много хороших... Мы просто забыли о них.

Рикки (*смотрит на часы, берет скрипку*). Конец урока... Я говорил маме, что в конце... (*Играет несколько тактов щемяще-грустной мелодии*.) Вот этот отрывок...

Апостол. Играй, Рикки...

Рикки играет. Вбегает Наг, его лицо искажено ужасом. Сцену заливают красный свет. Плачет скрипка. В красном свете мечутся силуэты людей. Сцена постепенно затемняется. Силуэты как бы раздаиваются, их движения приобретают четкую, суровую пластику. Когда сцена освещается, мы видим полтора десятка юношей в масках, обрабатывающих приемы боевой борьбы.

1-й юноша. Защита от удара сзади и одновременно — контрудар! Бейте точно! Резко и точно! Главное — точно!

Вбегает Кибер. Он без маски.

Стоп!

Пауза. Все замерли на месте.

(*Киберу*.) Что случилось?

Кибер молчит.

Продолжаем?

Голос. Продолжаем? Продолжаем?..

Кибер, не отвечая, медленно идет на зрителей.

Занавес